

Сердце Тан Сяотана внезапно сжалось, словно его нежно сдавила чья-то рука, заставив испытать тонкое, просветляющее чувство.

Почему он должен ненавидеть «Конфетку господина Сы»?

Любить человека с уважением, строго соблюдая границы, — такой подход никто не имеет права презирать ни на йоту.

Тан Сяотан теребил пальцы и вдруг почувствовал легкую вину.

Сы Ханьцзюэ, заметив, что тот долго молчит, подумал, что Тан Сяотан все еще размышляет о прошлом, и протянул руку, чтобы взять юношу за руку, вырывая его из глубоких раздумий.

— О чем думаешь? — сказал Сы Ханьцзюэ. — Не заикливайся.

Нежные розовые губки Тан Сяотана дрогнули:

— Просто думаю, как же мне повезло быть с хозяином.

Юноша слегка повернул голову, глядя в окно машины, переливающийся свет фонарей отбрасывал на его лицо разноцветные блики, делая чистые глаза и брови необычайно яркими и чувственными, в улыбающихся глазах стояла влажная дымка. Он взял ладонь Сы Ханьцзюэ, поднес к губам и почтительно оставил на ней сладкий поцелуй.

Его губы скользнули по слегка шероховатой коже тыльной стороны ладони, нежно, словно в сезон цветения весной крошечная капля росы, скатившаяся с нежного лепестка, мягкая и вызывающая трепет.

Сладость, тонкими струйками, нежно опутала сердце Сы Ханьцзюэ, мужчина усмехнулся, беззвучно сжал пальцы юноши, сплетая их в замок.

И только когда они добрались до ресторана, Сы Ханьцзюэ с неохотой разжал пальцы.

Это был ресторан в стиле «водных городов» к югу от Янцзы, с белыми стенами и черной черепицей, бирюзовой водой, стройные официантки в простых, но элегантных ципао грациозно вышагивали, излучая очарование, и с улыбками приветствовали их.

Сы Ханьцзюэ забронировал отдельный кабинет и позволил Тан Сяотану выбрать блюда.

Меню было оригинально оформлено в виде объемных бумажных скульптур, при каждом перелистывании страницы изящные модели блюд поднимались с плоскости, тарелки и еда были четко разделены по слоям, реалистичные и забавные, соблазнительные по цвету блюда сочетались с пейзажами и красавицами в различных позах, выбор блюд напоминал созерцание искусного произведения искусства.

Тан Сяотан увлекся, на время забыв о заказе, пока Сы Ханьцзюэ не напомнил тихим голосом:

— Сяотан, что хочешь?

— Яньфанцанъюй! — почти не задумываясь, выпалил Тан Сяотан, словно по инстинкту.

Сы Ханьцзюэ приподнял бровь:

— Что?

Официантка улыбнулась:

— «Яньфанцаньюй» — это когда рыбу кладут внутрь баранины, добавляют приправы и готовят на пару до мягкости, баранина и рыба вместе — вот откуда происходит иероглиф «свежести». Говорят, его создал Пэн Цзу, называют классическим блюдом номер один.

— Интересно, — Сы Ханьцзюэ посмотрел на Тан Сяотана. — Ты пробовал?

— Нет. — Тан Сяотан поднял голову и замер.

В меню, которое он держал, как раз была страница с соблазнительным золотистым блюдом «цзюцзаосе» — крабом в рисовой водке, а в предыдущих семи-восьми блюдах не было и намека на это сложно выговариваемое «Яньфанцаньюй».

Но... откуда он знает это блюдо и смог выпалить его название?

Обнимая бумажного краба в рисовой водке, Тан Сяотан невинно опешил.

— Возможно... возможно, где-то видел, — попытался успокоить себя Тан Сяотан.

Он продолжил листать меню, но уже невнимательно.

Каждый раз, когда поднималась изящная бумажная скульптура блюда, во рту Тан Сяотана тут же рефлекторно возникал вкус этого кушанья.

Соленая утка, которая вкуснее всего как раз в сезон цветения османтуса, сладкая, липкая и мягкая лотосовая корешковая закуска с медом, креветки в чайных листьях с легким ароматом лунцина, невероятно сладкие ребрышки из Уси и пикантные, вкусные пельмени с супом из крабовой икры.

Тан Сяотан высунул маленький розовый кончик языка и медленно провел им по линии между губ.

Этот жест обладал непреднамеренным, но соблазнительным очарованием, особенно волнующим. Сы Ханьцзюэ, наблюдая, как кончик языка мелькнул между вишневыми губами, скрыл романтические мысли и спросил:

— Может, раньше пробовал, но забыл?

Тан Сяотан надул белые щеки и быстро пронес в памяти всю свою жизнь.

Его жизнь была коротка: с момента пробуждения в качестве осознавшего себя мармеладного мишки прошло всего несколько месяцев, а превращение в человека и начало потребления человеческой еды случилось лишь несколько дней назад. Поэтому он самоуверенно заявил:

— Не было же, я же вырос на глазах у хозяина.

Его жизнь почти полностью вращалась вокруг Сы Ханьцзюэ, хозяин же лучше знал, ел ли он когда-либо эти блюда!

— Наверное, просто где-то слышал, — глаза Тан Сяотана блеснули, он с хитрой улыбкой подвинул меню Сы Ханьцзюэ, подперев белые щеки ладонями, и подмигнул. — Хозяин тоже выбирай!

Слово «хозяин» звонко и сладко выпорхнуло из уст Тан Сяотана, и официантка тут же выразила странную эмоцию.

Сы Ханьцзюэ наклонился, поправил позу и бросил на официантку беглый взгляд.

Официантка от того легкого взгляда почувствовала, как у нее заныла голова, и смущенно опустила глаза.

Сы Ханьцзюэ заказал несколько блюд и попросил официантку удалиться.

— Что случилось? — недоумевал Тан Сяотан. — Почему она так на меня смотрела?

С запозданием он вспомнил, что в человеческом мире слово «хозяин», кажется, имеет какое-то странное значение, и осторожно спросил:

— Может, на людях нельзя называть хозяином?

Сы Ханьцзюэ уставился на него, уголки губ приподнялись:

— Можно, почему нельзя, везде можно называть.

Лучше бы ты везде мог это выговорить.

Скрывая злое мысли, Сы Ханьцзюэ смотрел на Тан Сяотана, и его взгляд постепенно темнел.

Тан Сяотан реагировал на эти блюда цзянсу-чжэцзянской кухни — даже если юноша и прятал свои сомнения глубоко внутри, он все же уловил мелькнувший в его глазах проблеск.

Взгляд Сы Ханьцзюэ, устремленный на Тан Сяотана, становился все более многозначительным.

Когда блюда подали, и официантка поставила перед Тан Сяотаном целый суповый пельмень с крабовой икрой размером с ладонь, он почти инстинктивно взял соломинку, проткнул кожицу и воткнул ее внутрь, маленькими глотками потягивая ароматный сок. Куриный бульон и свиной холодец в сочетании со свежей крабовой икрой и мясом краба образовали внутри кожицы лужицу обжигающе горячего супа.

Тан Сяотан причмокивал, маленькими глотками пил суп и от жара превратился в белолицего эмотикона.

Аппетитная картина.

В кабинете было только двое, дверь закрыта, шум мира отступил, словно отлив, при приглушенном свете лишь юноша с сияющими глазами, невероятно оживленный, сосредоточенно разбираясь с пельменем с крабовой икрой.

Ничего не подозревающий Тан Сяотан положил в миску Сы Ханьцзюэ кусочек прозрачного, словно хрусталь, рыбного брюшка из блюда «Яньфанцаньюй»:

— Хозяин тоже ешь!

Сы Ханьцзюэ, не отрывая взгляда от Тан Сяотана, медленно съел тот кусочек рыбы, его выражение было сложным, он словно скрежетал зубами, а в его взгляде, казалось, были зазубрины, которые снова и снова скользили по юноше перед ним.

Тан Сяотана этот взгляд заставил похолодеть, он, держа во рту кусочек лотосового корешка в сахарном сиропе, широко раскрытыми глазами смотрел на хозяина.

— Сяотан, — Сы Ханьцзюэ изящно положил палочки, уперся локтями в стол, переплел пальцы, уперся резко очерченным подбородком в тыльную сторону ладоней, и в его тоне сквозила непонятная усмешка. — Очень вкусно.

Зрачки Тан Сяотана сузились, и медовый лотосовый корешок с глухим стуком упал.

— Тебе лучше запомнить сегодняшний день, — Сы Ханьцзюэ убрал руки, откинулся на спинку стула и откуда-то достал черную бархатную коробочку для колец. — Еще на кладбище собирался тебе отдать, сейчас тоже не поздно.

В черной бархатной коробочке лежало то самое изумрудное кольцо. То самое кольцо, которое Сы Гуй сам надел на палец любимой девушке, Линь Лумин, когда делал ей предложение.

Сы Ханьцзюэ подвинул коробочку, и черная бархатная шкатулка вместе с кольцом плавно скользнула по столу к Тан Сяотану.

— В свое время это кольцо продали за восемьсот тысяч. Когда все наладилось, я потратил много времени, пытаясь его вернуть. К сожалению, говорят, оно попало к частному коллекционеру, ждал больше десяти лет, пока оно снова не появилось, — сказал Сы Ханьцзюэ. — Для меня это кольцо имеет глубокий смысл.

Он пристально посмотрел на Тан Сяотана.

— Оно символизирует то, что было утрачено и вновь обретено.

То, что случайно потерял, однажды возвращается.

Он смотрел на Тан Сяотана.

— Сяотан, ты для меня тоже утраченное и вновь обретенное.

Уже больше часа ночи, писать не могу, в последнее время все еще невыносимо торможу. Вообще-то у меня есть примерный каркас, но содержание становится все больше, постепенно появляются новые мысли, хотя в целом разница невелика. В этой главе мало символов, завтра еще дополню, а те, кто купил главу сегодня, получают завтрашний контент в качестве компенсации.

<http://bllate.org/book/15589/1395497>